

Юрий Поликарпович Кузнецов...

11 февраля — его день рождения. День рождения великого русского поэта. Да, великого. Да, гениального. Да, классика. Кто этого не понимает — мне тихо жаль этого человека. А для меня Кузнецов — он над всеми в русской поэзии первой половины века минувшего и в уже умчавшиеся семнадцать лет двадцать первого столетия. И я благодарен Господу, что Он даровал мне радость быть современником Юрия Поликарповича. Нет, я не был его другом. Такое счастье мне не выпало. Не заслужил я его у судьбы. Но мы были знакомы.

Первый раз я увидел Юрия Поликарповича в марте 1983 года. Жил я тогда на Колыме, в посёлке Палатка. И в тот день я вернулся домой утром после ночной смены в шахте Карамкенского ГОКа. Лёг спать. В обед проснулся. И тут звонит приятель из «Магаданского комсомольца»:

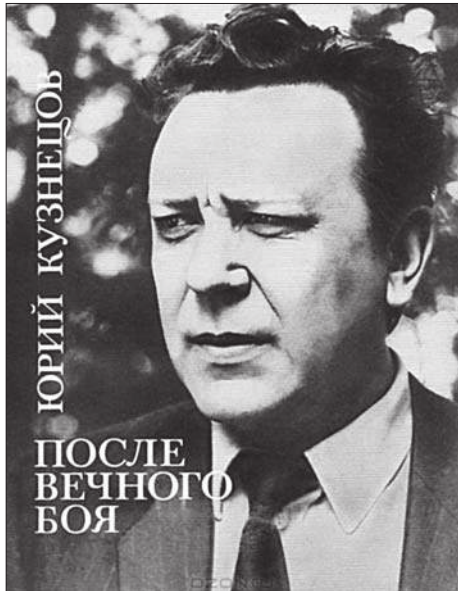
— Витя, твой любимый Юрий Кузнецов в Магадане.

— Да-а?! Всё понял, выезжаю. У тебя заночую, ладно?

— Конечно.

От Палатки до Магадана по Колымской трассе — восемьдесят четыре километра. Автобусы ходят через два-три часа. И то только до аэропорта «Сокол». Там пересадка на магаданский рейс. А часы показывали уже начало третьего. Пока соберусь, пока дойду до автостанции, пока дождусь автобуса... Короче, завал! В город приеду поздно. И я стал звонить редактору местной районной газеты «Заря Севера» Юрию Шалимову. Так, мол, и так, пожалуйста, мне срочно нужна машина до Магадана. Шалимов замаялся, стал что-то объяснять мне про отсутствие талонов на бензин. Я перебил его, пообещав, что сам залью полный бак. Через десять-пятнадцать минут «Волга» подъехала к моему дому. И — вперёд, в Магадан! Понятно, что ехали мы не тихо...

Юрий Поликарпович остановился в гостинице «Магадан», что на проспекте Ленина. Старый корпус, который построили пленные японцы. В нём было всего два номера люкс. Во втором я никогда не был. А в первом, где находился Кузнецов, всегда останавливался Юрий Рытхэу и другие «известняки» для Магаданского обкома партии. Я таковым не был, но тоже часто снимал этот номер, когда он был свободен.

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ

ПОСЛЕ
ВЕЧНОГО
БОЯ

(Однажды ко мне в него подселился мой друг, писатель из Анадыря Геннадий Ненашев. Конечно, пили. А потом мы с художником Борисом Зевиным пошли знакомиться с женщинами и звать их поиграть в бильярд. И играли достаточно долго. Выходим из бильярдной — в коридорах люди чего-то мечутся, дыма полным-полно... И чем ближе к снятому мной люксу, тем гуще дымовая завеса. А в номере — всё залито водой, пожарные, работники

гостиницы... Перед ними в одних трусах стоит сильно «уставший» Гена. Увидев меня, он молитвенно сложил на груди руки: «Витя! Кузнец! Друг! Скажи им, что я не делал пожар. Что я не умею включать этот самовар! Зачем мне этот чай, если я просто лежу и сплю?» Ох, что там тогда было!.. Но это, как говорится, уже совсем другая история. Я и так достаточно далеко отвлекся от главного.)

Поднимаюсь на этаж. Подхожу к номеру. Остановился у знакомой двери. И тут какой-то мандраж, впервые подумал: а вдруг он меня пошлёт?.. И ведь прав, очень даже прав будет. Кто я такой для него? Да никто, вот кто. Долго стою. А за дверью слышны голоса. Понимаю, что там, в гостях у Кузнецова, наши магаданские писатели, но никого не узнаю по голосам. Вдохнул-выдохнул несколько раз и — стучу. Дверь открывает сам Кузнецов.

- Здравствуйте, Юрий Поликарпович! Можно к вам?
- А вы кто?
- Виктор Кузнецов. Ваш поклонник.

Он молча и с заметным недоверием смотрит на меня и начинает чуточку улыбаться. Говорит:

— Виктор Кузнецов? Он... здесь.

За спиной Юрия Поликарповича появляется поэт Анатолий Пчёлкин и хохочет:

— Да, это правда, он тоже наш Виктор Кузнецов. Из Палатки. А тот, что уже сидит с нами,— из Синегорья.

— Входи,— говорит Юрий Поликарпович и протягивает мне свою большую руку.

Рукопожатие у него короткое, но крепкое. А дальше два часа (или чуть больше) разговоров. (Я ещё на несколько минут и вниз, в ресторан, отлучился. Надо было.) Говорят в основном наши, местные писатели. Я, естественно, почти не встречаю, слушаю и наблюдаю за Кузнецовым. Высокий, крепкий, лобастый, зеленоватые глаза... Он говорит мало, даже, кажется мне, как-то неохотно, изредка задаёт вопросы, ответы слушает не перебивая, почему-то часто смотрит в окно. Такое впечатление, что он и слушает, и понимает говорящего, и в это же самое время он где-то весь в себе, в своей думе-заботе, в своих мыслях, которыми он не спешит делиться с теми, кто сейчас рядом. Много курит. Узнав, что я взрывник на подземке, работал в старательской артели, спрашивает:

— Тяжело там?

Польщённый и ободрённый его вниманием, я рассказываю о работе и жизни старателей. Когда я заканчиваю, Кузнецов снова спрашивает:

— Ты сам откуда родом?

— Из Сибири. Станция Безменово в Новосибирской области. Это на границе с Алтайским краем. Но родился я в Казахстане. Мне три месяца было, когда родители переехали в Безменово.

— А где в Казахстане?

Я ответил, не понимая, почему его это вдруг заинтересовало. Я не знал тогда, что он женат на казашке.

Кто-то стал говорить о Евтушенко. Кузнецов недовольно поджал губы, нахмурился, но его всё равно спросили: как вы относитесь к Евтушенко? Ответ прозвучал в какой-то мере предсказуемый, но всё же неожиданный:

— Никак. Он много проживёт. Его не убьют. Не убивают таких.

— Не убьют? А разве кого-то убили?! — удивился Виктор Кузнецов, который из Синегорья.

Юрий Поликарпович задержал на нём свой взгляд и вздохнул. Ответил:

— Многих. Есенина, например.

— Ну, есть разные версии...

— Мне не нужны версии. Я чувствую, что его убили.

Дальше Юрий Поликарпович совсем замкнулся. Мне и нравилась, и не нравилась эта его нескрытая замкнутость. Она была естественной чертой Кузнецова. Не горделивой, не отталкивающей от него. Весь его образ как-то удивительно соответствовал его стихам. Может быть, даже был их продолжением. И я всем своим существом видел и понимал: Кузнецов — это сила! И нет ему равных.

Стали расходиться. Из всех книг Юрия Поликарповича у меня дома были только две: «Выходя на дорогу, душа оглянулась» и «Отпущу свою душу на волю». С собой я взял первую. Автограф поэт оставил такой: *«Виктору Кузнецову — на память о встрече. Автор. Колыма. 15.04.83»*.

На следующий день Юрий Кузнецов, Владимир Ерёменко и ещё кто-то погнали по знаменитой Колымской трассе в сторону Якутии. Я приглашал Юрия Поликарповича заехать ко мне в гости на Палатку. Оставил адрес. Он ничего твёрдо не обещал. И не заехал. Я жадно следил за всеми его новыми публикациями. Читал критику. Однажды не удержался и написал ему письмо. (Жаль, что черновик не сохранился. Хорошее получилось письмо.) Отправил на Союз. Не было у меня его домашнего адреса. Ответа не получил. В 1984 году в Магаданском книжном издательстве у меня вышла вторая книжка «Музыка по ночам». (Вот тиражи были!.. Даже в Магадане — сорок пять тысяч.) Я обнаглел и отправил экземпляр Кузнецову. Примерно через месяц получил записку в конверте: «Читать некогда. Не обижайся. У меня много работы сейчас. Будешь в Москве — звони. (И номер телефона.— В. К.) Привет Магадану».

Я был искренне счастлив! Конечно, я прилетал в Москву. Встречался с Владимиром Крупиным, с Владимиром Карповым, с Юрием Стефановичем... А вот Юрию Кузнецову так и не позвонил. И мне до сих пор стыдно...

В 1987 году я поступил на ВЛК и поселился в общежитии на Добролюбова на целых два московских года. Ещё до начала занятий — деньги у меня были — мы с Николаем Шипиловым и одной девушкой поехали в ЦДЛ. Хорошо сидели в ресторане. И когда нам было уже совсем хорошо, я вдруг увидел за соседним столом Юрия Поликарповича. (Когда он пришёл — убей, не видел.) Конечно, Кузнецов был не один. И всё же я

подошёл к нему. Поздоровался, извинился, сказал, что я теперь вээлкашник (опять стыдно, но это правда), начал врать, что я не позвонил ему до сих пор только потому, что потерял записную книжку с телефонами...

— Ладно, ладно. Потом...— перебил меня Юрий Поликарпович.

Я вернулся в свою компанию. И мне стало очень-очень грустно. Наша девушка вызвала по телефону подругу. Познакомились. Посидели ещё маленько и все вместе поехали на такси в общагу. Снова выпивали. Николай пел свои замечательные песни. Девчата млели. И когда он по моей просьбе уже в который раз запел «После бала», я заплакал. Сглатывал тяжёлый, давящий комок в горле, а слёзы бежали, бежали, бежали...

— Ты чего, Витька? Что?..— пробовал успокоить меня Николай.

— Понимаешь, Юрий Кузнецов — это... эт-то!.. А я пьяный к нему. Дурак я, да, Коля?

Потом я встречал Юрия Поликарповича в институте, в книжной лавке, в Литфонде, в ЦДЛ, однажды встретились в продмаге «Армения». Разговоры были краткими. Я понимал, что Юрию Поликарповичу не до меня, и не обижался.

И всё же — судьба! — я дважды был у него дома в гостях.

Первый раз так получилось. Я зашёл к Эрнсту Сафонову в «Литературную Россию». Эрнст Иванович разговаривал с кем-то по телефону. Закончил. Мы быстро решили мой вопрос. И Сафонов спрашивает:

— Виктор, у тебя время есть?

— В каком смысле?

— Да вот надо Юрию Кузнецову этот конверт срочно отвезти.

— Да запросто, Эрнст Иванович.

— Спасибо. Пиши адрес. Я звоню ему, да?

Юрий Поликарпович встретил меня своим уже ставшим для меня привычным приветствием:

— Привет, Магадан!

— Здравия желаю, Юрий Поликарпович.

— Снимай обувь, проходи, если хочешь.

— Не помешаю?

— Нет. Я только что закончил новое...

— Может быть, прочтёте? — попросил я.

— Зачем? Вы же, прозаики, ничего не понимаете в стихах.

— Я понимаю. Маленько...

— «Маленько», — передразнил он меня. — Чай будешь?

— Не откажусь. Спасибо.

Мы пили чай. Я не знал, о чём завести разговор. Молчал и Юрий Поликарпович. Но скоро он спросил:

— Чего грустный такой?

— С женой развожусь, — не стал скрывать я.

— Зачем?

— Да, Юрий Поликарпович, сложно всё... И всё уже решено.

— Все разводятся. Зачем? Зря ведь. А я вот не буду.

— Ну, у вас золотая жена.

— Галя — она не золотая. Золотых жён не бывает. Бывают... Он не досказал, какие жёны бывают. Замолчал.

— Разве вашу жену Галей зовут? — осторожно спросил я. — Не Фатима она?

— Батима. Но и Галя тоже. Она... одна такая. Сейчас нет таких женщин. Все сумасшедшие. Видно, время такое скверное. Ты всё же помирись попробуй.

— Там бесполезно, Юрий Поликарпович. Всё уже, финиш.

Чай был выпит. Кузнецов стал открывать конверт. И я поспешил откланяться.

В 1989 году у меня в «Современнике» вышла книжка «И проклинал себя, проклинал...». Я позвонил Юрию Поликарповичу, сказал, что хочу подарить ему эту книжку, и спросил, когда можно прийти.

— Не сегодня, — ответил он. — Позвони дня через три-четыре. Если я не уеду...

Он не уехал. Мы встретились. Сидели в его кабинете. Юрий Поликарпович ещё раз взял мою книжку в руки, взглянул на обложку. Хмыкнул:

— Себя проклинал, говоришь? Есть за что?

— Найдётся, если покопаться. Но... Это же мой лирический герой.

И Кузнецов вдруг разозлился:

— Какой ещё «лирический герой»?! Ненавижу, когда так говорят. Есть писатель, есть его мир, его душа, его взгляд, личное понимание... А «лирический герой» — это... ерунда!

— Ну, не совсем я с вами согласен, — заупрямился я.

— Это твоё дело. Знаешь, я потому сейчас почти и не читаю сегодняшнюю прозу. За редким исключением у всех

этот «лирический герой» выпендривается, а сказать ему мне — нечего сказать. Зачем же тогда время на него своё отдавать?

— А Распутин, Астафьев, Белов, Крупин?..

Юрий Поликарпович, казалось, не услышал моего вопроса. Он хитро, с прищуром, смотрел на меня. И продолжал:

— Вот, Виктор, честно мне скажи... Я догадываюсь, что ты ни при какой погоде Афанасьева не читал!

— Какого Афанасьева?

— Русского Афанасьева! Александра Николаевича. Хотя бы обязательное его «Поэтические воззрения славян на природу».

— Нет, не читал, — честно признался я.

— Да как же вы все так живёте?! — возмутился Кузнецов. — Не понимаю!

Пили мы в этот раз не только чай. Вместе со своей книжкой я принёс в дом Кузнецова две бутылки польской водки. (Готовясь к встрече с Юрием Поликарповичем купил водку у наших поляков-вээлкашников. Они приторговывали не только спиртным, которое приобретали в посольском магазине, но и привозимой из Польши одеждой, косметикой, диктофонами. А из Москвы отправляли к себе наши холодильники, цветные телевизоры.) Кроме водки, я припас и красивую коробку конфет для жены Юрия Поликарповича и дочерей Кати с Аней.

— Много пьют у вас на Добролюбова? — поинтересовался Юрий Поликарпович.

— Да по-разному бывает, — уклончиво отвечал я.

— Ты сам-то работаешь? Пишешь чего-нибудь?

— Да как в общаге писать? Вы же жили в ней, знаете...

— Я-а?! Я и тогда работал. Я всегда работаю! В электричке, на даче, в метро — работаю! — Кузнецов пристукнул по столу кулаком. — Мне нельзя останавливаться. Вся моя жизнь — поэзия. Меня нет без стихов.

— И всё же в общаге трудно писать, — я ещё как-то пытался оправдаться.

— А где легко? Везде трудно. Но... Если Бог дал тебе, если тебе есть что сказать — мучайся, но говори. А пить бросай. Я тоже скоро брошу.

— Хорошо вы, Юрий Поликарпович, сказали: мучайся, но говори.

— А что? Не так? Я должен сказать то, что я должен. И другой за меня этого не скажет. А если и скажет... Он не сумеет так, как я. А было бы иначе, я бы не писал. Зачем? Кому нужно? Каждый из пишущих должен себя этим проверить. Ты проверял?

— Я ещё и не написал ничего, Юрий Поликарпович.

— Не написал? — переспросил Кузнецов. — А это тогда что? — он быстро нашёл мою книжку и потряс ею над столом.

— Это ученичество, мои первые опыты. Не то, что я хочу написать, — опустил я глаза вниз.

— Ученичество? Ну и зачем же сразу в издательство с ним? Премии какие-то ещё получаешь...

Я молчал. Кузнецов взял сигарету и долго разминал её. Сказал примирительно:

— Ладно, Виктор, не обижайся. Но запомни: если ты хочешь стать большим писателем, то пиши только тогда, когда ты уверен в том, что так, как ты напишешь, кроме тебя никто не напишет.

Звонил телефон. Юрий Поликарпович брал трубку, отвечал. Возвращался к нашей беседе. И снова звонил телефон. Один звонок был, если я не ошибаюсь, от Игоря Тюленева. Скоро я почувствовал, что заметно пьянею. А тут и Батима вернулась с работы. Увидев выпившего мужа, она укоризненно покивала головой, но ни одного осуждающего слова вслух не сказала. А я понял, что мне пора срочно откланяться. Что и сделал, надарив в прихожей Батиме и Кате (Ани дома не было) ворох неоригинальных комплиментов.

Скоро учёба моя закончилась. И я со своей новой женой переехал на жительство во Владимир. До печального ноября 2003 года я ещё трижды виделся в Москве с Юрием Поликарповичем. Но эти встречи были «на бегу». В одну из таких встреч, последней для Юрия Поликарповича весной, он спросил у меня:

— Ну, творишь? Успешно?

— Нет, Юрий Поликарпович. Почти совсем не пишу.

— Почему так?

— Работа первым замом в главной газете области так выматывает, что никаких сил не остаётся.

— Брось её.

— Я подумаю, Юрий Поликарпович, подумаю.

Мне не хотелось напоминать ему о его давнем совете: «Но запомни: если ты хочешь стать большим писателем, то пиши только тогда, когда ты уверен в том, что так, как ты напишешь, кроме тебя никто не напишет». Это был правильный совет. И я скоро понял, что никогда не стану таким Кузнецовым в прозе, каким Юрий Поликарпович Кузнецов был (остаётся и останется на века!) в поэзии...

К Троекуровскому кладбищу я добрался с опозданием, когда все уже расходились. Опустился перед могилой на колени, положил цветы, помолился. Зачем же я сегодня пишу всё это? Трясусь от желания примазаться к чужой славе? К имени гения русской литературы? Нет и нет. Я просто сильно-сильно люблю Кузнецова. И не представляю свою жизнь без его стихов. А ещё я хочу громко возразить некоему автору, который в своих заметках о Поэте назвал Юрия Поликарповича «нелюдимым». Дурак вы, автор! Поэт Кузнецов — он бесконечно людимый. Читайте его стихи не глазами, нет, а распахните перед ними свою душу. Сумеете так — обретёте любовь. Не сумеете, не захотите суметь — Юрий Поликарпович простит вас.

Как простит и меня за этот торопливый текст без правки.
Дай-то Бог.